

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 14 (126)

СЕФЕРБЕЙ ЗАН: АРИСТОКРАТ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР, ПОСОЛ

Материалы к биографии

Продолжение,
начало в выпуске 8 (120).

Литература:

АСД – Адмирал Л. М. Себряков: Документы. / Составители: А. О. Арутюнян, В. А. Микаелян, О. С. Баликян // Вестник архивов Армении. Ереван, 1973. N 1 (35). С. 5–164.

Bell – Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. Vol. I. L.: Edward Moxon, Dover Street, 1840. 451 p.

Бэлл – Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1 – 2. Нальчик: «Эль-Фа», 2007.

Gleason – Gleason, J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950.

Henze – Henze, P.V. Circassian Resistance to Russia // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L.: Hurst & Company, 1992. P. 62–111.

Robinson – Robinson, G. David Urquhart. Some Chapters in the Life of a Victorian knight – errant of Justice and Liberty. Oxford: Basil Blackwell, 1920. 328 p.

Дегоев – Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе и современность. М.: «Русская панорама», 2003.

Лонгворт – Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов / Пер. с англ. В.М. Аталикова. Нальчик «Эль-Фа», 2002. 541 с.

Фелицын – Фелицын Е.Д. Князь Сефер-Бей Зан – политический деятель и поборник независимости черкесского народа. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 295 с.

Филипсон – Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1885. 361 с.

ШССТАК – Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных мате-

риалов. Под ред. Ш.В. Цагарейшвили, Тбилиси, 1953. 561 с.

Ссылка Сефербея в Базарджик (Болгария)

За деятельностью Сефербея в Стамбуле следили высшие сановники Российской империи.

В сентябре 1835 г. барон Розен писал тайному советнику Родофиникину о необходимости оказать давление на турецкое правительство с тем, чтобы оно выселило Сефербея из столицы, где он находится «при Константинопольской Английской миссии», в европейские владения Турции, откуда ему будет много сложнее связываться с своими соотечественниками.

Через месяц становится известно о том, что Сефербей находился в Самсуне, где передал письма домой через английского капитана Лайонса. «Остановившись несколько дней в Самсуне, он познакомился там с Сефер-беем и

получил от него несколько писем к горцам, живущим по восточному берегу Черного моря. В сих письмах Сефербей возбуждал их к восстанию и приглашал не покоряться власти России, обещая им скорую помощь со стороны Турции и Англии. Внезапное появление кап. Лайонса и непозволительные его сношения с человеком, нам неблагонамеренным, могли бы быть отнесены к желанию обеспечить себя от всякой опасности при посещении горцев, но новое и гораздо важнейшее обстоятельство, излагаемое Герси в отношении ко мне, не может не обратить на себя особенного нашего внимания. Во время возвращения кап. Лайонса в Константинополь после первого своего путешествия, Сефер-бей прибыл также в столицу Порты и, как уверяют, остановился в доме Английского посольства. Нельзя поручиться за справедливость

сего показания, но однако же положительно то, что лорд Понсомби имеет с Сефер-беем близкие сношения, коими сей последний пользуется, дабы распространять между прибрежными горцами слухи, хотя несбыточные, но не менее того могущие иметь для них самих пагубные последствия. В заключение Герси уведомляет меня, что по мере возможности он будет доводить до сведения моего известия о дальнейших намерениях и предприятиях Сефер-бея, который, как уверяют, в ноябре месяце возвратится в Самсун». (Отношение барона Розена к графу Нессельроде, от 31 октября 1835 года, N 665 // Акты Кавказской археографической комиссии. [Далее – АКАК] Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 891–892).

В январе 1836 г. министр иностранных дел граф Нессельроде сообщал барону Розену, главнокомандующему

Кавказским корпусом: «От 26 ноября прошлого 1835 года, N 2720, я уведомлял в. высочество, что посланнику нашему в Константинополе поручено употребить все возможные меры к положению преграды вредным действиям Сефер-бея, о котором вы писали министерству в отношениях, от 4 сентября и 30 октября 1835 года. Ныне, получив от Бутенева депешу, содержащую подробности, как о сведениях, им приобретенных, так и объяснениях с турецким правительством, долгом поставляю сообщить вам сущность оной. Сефер-бей, как по розысканиям оказалось, действительно проживал некоторое время в Самсуне, на северном берегу Анатолии, получая от Порты незначительное содержание; потом познакомился здесь же с кап. Лайонсом во время плавания его по Черному морю в 1834 году, и, наконец, прибыл в Констан-

Два парохода объединенной эскадры атакуют и полностью уничтожают русский пост у входа в озеро Кубань (Кубанский или Кизилташский лиман, прим. С.Х.) на побережье Черкесии, 22 февраля 1855. Deux navires a vapeur de l'Escadre combinee attaquent et detruisent complument le poste Russe a l'entree du Lac Kouban sur la cote de Circassie 22 Fvrier 1855. См.: gallica.bnf.fr / Bibliotheque nationale de France

тинополь, где находится уже около года. Тут он действительно пользовался благосклонностью великобританского посольства и жил довольно долгое время у английского медика. В начале пребывания своего в Константинополе, он, по-видимому, имел деньги в своем распоряжении, но потом средства его истощились и живет ныне в неизвестности с несколькими из соотечественников своих, поселившихся равным образом в Константинополе. Бутенев, хотя и не полагает, чтобы Сефер-бей по настоящему положению своему мог нам быть вреден, но почел небесполезным и согласным с дружественными сношениями, между Россией и Портой Оттоманской существующими, сообщить реис-эфендию о происках, приписываемых Сефер-бею, с просьбой положить оным конец. Реис-эфенди обещал сделать должные розыскания, чтобы удостовериться в справедливости распускаемых насчет Сефер-бея слухов, и тогда будут приняты меры против сего горца. (АКАК. Т. VIII. С. 892).

Из письма российского посла Бутенева барону Розену, от 6 октября 1836 г., становится известно, что «государю императору благоугодно было дать мне повеление требовать у турецкого правительства, на основании тесной дружбы, существующей между союзными державами, удаления Сафир-Бея во внутренность Турции, дабы уничтожить меру строгости опасные его сношения и действия. Ваше высокопревосходительство, конечно, изволите узнать с удовольствием, что это требование выполнено уже Портою в точности, соответственно желанию, изъявленному государем императором. Сафир-Бей на сих днях, и по именному повелению султана, выслан на жительство в г. Базарджик (что близ Филипполя), и отдаленность этого места от берегов моря и от столицы, дозволяет надеяться, что отныне неприязненные его покушения к волнованию горцев, будут прекращены на долгое время, а может быть и вовсе пресечены». (ШССТАК, с. 88).

Базарджик (совр. Пазарджик, до 1934 г. Татар Пазарджик), город примерно в 300 км от ближайшего черноморского порта Бургаса. От Стамбула по прямой дороге до Базарджика, через старую столицу Эдирне, порядка 450 км. Ясно, что такая удаленность от столицы и моря делала регулярное сообщение с Черкесией весьма затруднительным.

Тем не менее, в декабре 1836 г. шапсугские депутаты виделись с Сефербеем в Стамбуле. Вместе с Сефербеем находился англичанин и они уверили шапсугов, что только для видимости он временно удалится из столицы и «что скоро распространятся слухи о мнимой ссылке его Сафар-бея, но чтобы они не унывали, ибо это делается для того только, дабы обмануть рус-

ского посланника, что он будущею весною непременно приедет к ним вместе с англичанами». (ШССТАК, с. 92).

Сефербей передал через этих шапсугов ближайший план действий: он предложил натухайцам и шапсугам избрать «из главнейших восьми поколений по одному старейшине, которые имели бы полное доверие народа, чтобы старейшины эти поселились в Цемесской долине, для будущих переговоров, куда прибудет и Сафарбей с английской экспедицией. Вследствие сих известий в начале минувшего января месяца было созвано собрание на речке Атакум, на котором положили: вновь послать в Константинополь натухайского дворянина Магомета-Каас и из простых Куштаного-Хасеши в качестве депутатов с заявлением их на то согласия. Сверх сего еще назначено другое собрание на Атакуме же для выбора вышеупомянутых старейшин, которые снабжены будут полной доверенностью всего народа, относительно будущих переговоров с англичанами и Сафарбеем». (ШССТАК, с. 92).

2 марта 1837 г. капитан I ранга Л.М. Серебряков докладывал адмиралу А.С. Меншикову, начальнику Главного Морского штаба: «Проезжая через Крым, я узнал, что известный вашей светлости Сефар-бей проживал прошлую осень в Трапезонде и имел с горцами возмутительную переписку, обещая покровительство султана и египетского паши, для чего, говорят, будто бы он был и в Египте. Это я сказывал и Алексею Александровичу и от его превосходительства узнал, что Сефар-бей ныне, по требованию нашего правительства, выслан в Базарчук». (АСД, с. 23).

«Сефер-бей, — писал Лонгворт, — широко известный поверенный в делах Черкесии, был изгнан из турецкой столицы по настоянию русского министра и теперь проживал в татарском Базарджике, недалеко от Адрианополя». (Лонгворт, с. 37).

Англичане в Черкесии

Уверенность в возможной и даже скорой поддержке со стороны Англии у черкесов могла основываться не только на серии визитов англичан, но и на достаточных частых появлениях английских судов, заходивших под тем или иным предлогом в Анапу и Геленджик.

25 мая 1831 г. купеческое судно «Адо́льфо», под английским флагом, было задержано российским бригам «Орфей» напротив устья Сочи. На «Адо́льфо» было 67 пассажиров-турок, из которых 23 — женщины и 6 — дети, все они направлялись в Вардан, что говорит о значительном турецком населении в этом приморском районе Убыхии. На судне, помимо разных товаров, оказалось еще 6 боченков пороха. (ШССТАК, с. 25).

23 июля 1834 г., то есть примерно в одно время с Уркартом, капитан королевской гвардии Лайонс («член

Лондонского клуба мореплавания»), он же — командир фрегата «Мадагаскар» в составе английской эскадры на Средиземном море, на собственной яхте «Туркуаз» нанес неожиданный визит в Геленджик. (ШССТАК, с. 46—47).

Полковник Чайковский, комендант Геленджика, сообщал, что в тот же день Лайонс отплыл в Анапу, «чтоб отсюда следовать к нашей эскадре, о которой знали еще в Константинополе, что находится в море, дабы видеть ее, а потом отправиться в Севастополь, где намеревались, по выдержании карантина, осмотреть в гавани флот наш и потом следовать для обозрения западных берегов». (ШССТАК, с. 48).

Из рапорта командира Геленджикского отряда военных судов капитан-лейтенанта Манюпа: «расспрашивал г. Лайонс о здешнем заливе, насчет ветров и глубины, просил позволения видеть здешнее укрепление коменданта, в чем ему и не отказано, почему на своей гичке Лайонс с названным им лейтенантом в сопровождении нашего подъехал к укреплению Геленджика; с позволения коменданта вышел на берег Лайонс и лейтенант его; комендант полковник Чайковский, нас три командира судов и двое чиновников сих англичан были проведены по укреплению и вне оно со всеми карантинными предосторожностями; расспрашивали о числе гарнизона в укреплении, о всей силе Кавказского корпуса, о содержании его ежегодно и потере солдат, о числе черкесов и отношении их к русским. Не имея в виду никакого постановления насчет прихода к берегам черкесским иностранных военных судов, я был в затруднении отклонить следовать сей яхте английской королевской эскадры вдоль берега черкесского к Анапе, где притом и наш транспорт «Успех» находился; однакож, объявив г. Лайонсу инструкцию, установленную для наших крейсеров при берегах абхазских, — яхта «Туркуаз» в 9 1/2 час. вечера отправилась в Анапу, как объявил командир оной. 26 числа пришедший сюда транспорт «Успех» из Анапы объявил мне, что в Анапу пришел катер под английским флагом, откуда за отплытием транспорта и катер английский снялся и шел вдоль берега за транспортом к Геленджику и к вечеру остался против залива Суджукского, спустя один день после прихода транспорта «Успех» в Геленджик я посылал люгер «Глубокий» обозреть залив Суджука и по возвращении 29 числа командир люгера донес мне, что в заливе Суджукском ничего не видал, почему 30-го числа отправлен мною сей люгер в крейсерство вдоль берегов черкесских к югу». (ШССТАК, с. 49).

В июне 1835 г. на большой двухмачтовой яхте, в сопровождении «нескольких английских путешественников, в том числе и секретаря здеш-

него великобританского посольства», Лайонс вновь сделал экскурсию вдоль северо-восточных берегов Черного моря. Секретарь посольства, чье имя не названо, по всей видимости, Уркарт. (ШССТАК, с. 53).

Российский консул в Трапезунде Герси в октябре 1835 г. докладывал барону Розену, что во время второго плавания Лайонс не приближался ни к одному из пунктов азиатского побережья и направился, скорее всего, к Одессе. Герси в этом рапорте приводит весьма интересную информацию о первом плавании Лайонса. Оказывается, что в Самсуне Лайонс познакомился с Сефербеем и «получил от него много писем для горских главарей», «которые взялся доставить по адресату, плавая вдоль берега Черкесии». Герси сообщает также, что Сефербей прибыл в столицу одновременно с возвращением туда Лайонса и «остановился в помещении Британского посольства». Посол лорд Понсонби «поддерживает с Сефербеем весьма дружеские отношения». (ШССТАК, с. 58).

29 июня 1836 г. в Черкесию прибыли двое англичан. Они пристали в Вордане, а судно отправили в Мокупсе. Затем в сопровождении старейшин они прибыли в северную часть Натахокуаджа, где приняли участие в собрании. Англичане, согласно рапорту А.А. Вельяминова, предложили натухайцам, шапсугам, абадзехам и абазинцам написать обращение на имя английского короля и египетского паши. «Это предложение принято горцами с общего согласия и депутация с просьбой на этих днях отправляется вместе с англичанами в Тренизонд». (ШССТАК, с. 77).

Консул Герси 2 июля доносил из Трапезунда о том, что через этот город в Черкесию направился мистер Стюарт и некий итальянец. Через подставного матроса, своего шпиона, который был, впрочем, уволен этими путешественниками, Герси разузнал, что Стюарт интересовался сведениями «о семье и приверженцах Сефер-бея». Матрос сообщил также о слухе среди турецких и лазских контрабандистов о пересылке 80 боченков пороха, «отправленных, наконец, Сефербеем своим соотечественникам, который как будто бы был получен в качестве подарка от британского посла при Оттоманской Порте». (ШССТАК, с. 80).

Барон Розен писал министру иностранных дел Нессельроде: «Все сие доказывает, что английское правительство не остается без внимания к действиям нашим в Кавказском крае и подтверждает, что Сафар-Бей не живет, как писал посланник наш в Константинополе в неизвестности, а что он пользуется особенным расположением великобританской миссии, которая, можно сказать, поддерживает его в злонамеренных действиях». (ШССТАК, с. 84).

Розен сделал распоряжение

усилить надзор крейсеров, чтобы не дать провести груз пороха, но из рапорта Герси от 27 июля становится известно, что порох был доставлен в Нокопси (Нахапш), «в небольшом расстоянии к востоку от укрепления Геленджик». И в этот же пункт чуть позднее, 8 июля, прибыл Стюарт. «Едва сойдя на берег, оба путешественника представили различным горцам, собравшимся на побережье, письмо от Сефер-бея и немного времени спустя отправились вглубь страны, сопровождаемые десятком всадников, забрав с собой несколько боченков пороха. Спустя 9 или 10 дней, г-н Стюарт вернулся один в Нокопси, заявив, что его компаньон останется еще на некоторое время в стране». В Трапезунде Стюарт сел на пароход «Эссекс» и отплыл в Константинополь. (ШССТАК, с. 86).

Инцидент

со шхуной «Виксен»

Когда полемика вокруг позиции британского кабинета и британской дипломатии по отношению к Черкесии достигла максимального накала, братья Белл из Глазго — Джордж и Джеймс — снарядили шхуну «Виксен» и под руководством Джеймса она направилась в Черкесию, дабы на деле продемонстрировать решимость прорвать незаконную блокаду свободной страны.

В отношении (рапорте) барона Розена к графу Чернышеву от 24 декабря 1836 г. сообщалось об аресте «Виксена»: «Командующий отрядом военных судов Абхазской экспедиции контр-адмирал Эсмонт доносит мне, что 12-го числа прошлого ноября, при свежем SW ветре, прошла в виду Геленджика по направлению к Суджукской бухте шхуна, флаг коей при пасмурной погоде нельзя было заметить. Для преследования ее немедленно послан был бриг Аякс, который нашел сие судно в Суджукской бухте близ берега на якоре, где производилась с него выгрузка. Шхуна оказалась английская купеческая под названием Виксен, которая прибыла в 8 дней из Константинополя с грузом 100 тонн соли. По доставлении ее на Геленджикский рейд, она оставлена была под надзором в карантинном положении. Между тем сделано распоряжение о дознании: не было ли на ней доставлено горцам оружия и огнестрельных снарядов. Наряженная контр-адмиралом Эсмонтом для рассмотрения дела о сем судне Призовая Комиссия, на основании Высочайше утвержденной 4-го марта 1832 года 12-й статьи, признала сие судно правильным призом. После чего она с приличным караулом и конвоем брига Аякс отправлена в Севастополь, а дело о ней представлено на разрешение высшего морского начальства». (АКАК, VIII, 859).

Захват шхуны «Виксен» и арест экипажа послужили началом резкого обострения англо-русских отношений, которые едва не закончились

вооруженным противостоянием двух империй.

Инцидент с «Виксеном» имел долговременные последствия для внутривосточной жизни Британии. Дебаты в парламенте имели важнейшее значение для коррекции официального курса Форин Офис в отношении царской агрессии в Черкесии. 17 марта 1837 г. консервативная оппозиция поставила вопрос о международном статусе Черкесии, сделав основным пунктом своего заявления тезис о том, что Турция не имела права передать России территорию, которая никогда ей не принадлежала.

Захват «Виксена» и, в целом, все действия России в Черкесии расценивались как грубый произвол. Тори (консерваторы) считали, что британское правительство обязано ответить достойным образом на оскорбление национального флага. Премьер-министр Пальмерстон подвергся резкой критике за трусливое и примирительное поведение и неспособность отстоять священное право своей страны на свободную торговлю с, фактически, независимыми черкесами, населяющими, фактически, никому, кроме них, неподвластные земли.

В итоге восторжествовала умеренная позиция, персонафицированная в лице Пальмерстона. Вопрос о поддержке Черкесии обсуждался на самом высоком уровне – в британском парламенте – еще не раз, но не привел к практической реализации курса на поддержку борющегося народа Черкесии. (Дегоев, с. 121–138; Gleason, p. 164–204).

Вторая поездка Дж. Белла в Черкесию приобрела характер политической миссии и началась 1 апреля в Стамбуле, куда он был выслан незадолго перед этим из Одессы. Не тратя ни одного дня на отдых, Белл сразу же приступил к организации своей длительной миссии в Черкесию. Видно, что он был крайне уязвлен своим арестом и конфискацией «Виксена». (Бэлл, т. 1, с. 13). Джеймс Белл (5 января 1796, Данди, Шотландия – 10 марта 1858, Глазго, Шотландия) происходил из горного шотландского клана Макфарлан (MacFarlane).

Пребывание Белла, принявшего имя Якуб-бей, в Черкесии тщательно отслеживалось царским командованием в регионе и посольством в Стамбуле. Рапорт генерал-майора Н.Н. Раевского, написанный в апреле 1838 г., пересказывает основные меры, направленные на противодействие деятельности Белла и сопутствовавшего ему на протяжении первого года его нахождения в Черкесии, английский журналист Джон Лонгворт.

«Горцы, проведав об угрожающей им с весной 1837 года экспедиции ген. Вельяминова, положили новым собранием отправить в Константинополь двух узденей 1-й степени именно: натухайца Мегмета Каас и шапсуга Куриоко Цинамес. Им поручено было узнать, можно ли надеяться

на обещанное покровительство и умолять об отправлении вспомогательных войск. При самом их отъезде (в первых числах апреля) английские агенты прибыли на берег Губы-Дживка, что на севере от Геленджика; то был опять Белль с товарищами. Хотя захваченный в предыдущую осень нашими крейсерами в Сунджукской бухте на шкуне «Виксен» и едва освобожденный Белль вновь приехал из Константинополя. Достоинно замечания, что он там был снабжен английским послом паспортом в Черное море. Белль остановил горских послов, заклинал собрание отказаться от всяких переговоров с русскими до получения дальнейших распоряжений. Собрание шапсуг и натухайцев немедленно сообщило о сем абазехам и джикетам, приглашая их действовать согласно с ними.

Вскоре Лонгворт с товарищем прибыл к Пшаду на турецком судне, нагруженном свинцом и сталью; вслед за ним явился Наго-Измаил, посланный Сефер-Беем. Белль, Лонгворт и Наго-Измаил вручили горцам бумаги от имени Сефер-Бее и английского правительства. В этих бумагах советовали горцам явиться к русским с обещанием прекратить набеги в наши границы и с требованием, чтобы и русские с своей стороны прекратили военные действия и чтобы Россия, не имеющая на них права, признала бы, по примеру Англии и других, их независимость. Если же русские, сказали англичане, не прекратят военных действий, уведомите о том в Константинополе через Наго-Измаила и к вам приплывет союзный флот европейских держав, султана и Египетского паши, состоящий из 300 судов с десантным войском и нужными снарядами; мы же у вас остаемся в залог обещаний. 15-го мая генерал Вельяминов прибыл с отрядом в Геленджик; к нему явились посланные шапсугов и натухайцев с вышеописанными предложениями, с решительным отказом в покорности и с объявлением, что король английский взял на себя посредничество между ними и русскими.

Несмотря на старания англичан, горцы не могли иметь на долгое время несколько тысяч войска в постоянном сборе. Средства к его существованию скоро истощились, а способов к их подвозу не было. По причине безначалия между ними каждый по произволу более или менее оставался в сборище; при появлении, где бы то ни было, нашего войска, горцы стекались со всех сторон; число их то увеличивалось, то уменьшалось. Когда на Пшаде генерал Вельяминов строил укрепление, англичане, окруженные горцами, осматривали с высоты окрестных гор наши работы.

Белль выписал из Трапезунда на 5.000 турецких пиастров пороху. Судно [на котором привезли порох] было захва-

чено нашими крейсерами, но порох был уже выгружен. Лонгворт на большой турецкой лодке доставил горцам железа, серы и других припасов на 30.000 пиастров.

В начале осени новые агенты, именно: капитан Маррин и лейтенант Иддо прибыли к Черкесским берегам на английском купеческом двухмачтовом судне, нагруженном военными припасами. Судно сие миновало Фаззы (что почти в 35 французских милях на запад от Трапезунда по южному берегу Черного моря) и пристало не в дальнем расстоянии от Геленджика, у небольшого залива Дживка. Судно сие, по словам черкесов, прибыло прямо из Англии. В ноябре они снова приехали в Синоп. Капитан Маррин и находившийся при нем ренегат поляк Палинский обещали весной возвратиться на Кавказ и соединиться с Беллем и Лонгвортом. Лейтенант же Иддо отправился в Англию с образчиками серы, свинцовых и других металлических руд, найденных в горах. Добывание тех металлов, говорили англичане горцам, должно для вас обратиться на гибель русским.

В конце осени, по возвращении уже действующего отряда, еще другие турецкие суда с военными снарядами и припасами прибыли к разным пристаням горцев; на одном из них привезены депеши к английским агентам. По получении их, агенты сии немедленно начали через натухайских старшин созывать собрание всех закубанских черкесов. Сборным местом была долина Хапль у реки того же имени. Цель собрания была объяснить всем необходимость общего союза против русских. Первый опыт сего союза был безуспешен – верховые шапсуги, войдя в ссору с низовыми шапсугами и натухайцами, разогнали собрание.

Я на днях ожидаю подробные и достоверные известия о последующих действиях англичан в конце зимы. Уже до меня дошли следующие сведения, которые заслуживают внимания. Ныне англичане ласково принимают наших беглых, особенно поляков, стараясь вооружать их противу нас; старание до сих пор неуспешное. Беглые большей частью обращались в рабы, продавались в Трапезунде, где откупщики медных руд покупали их для работ, но с построением новых крепостей и с большей бдительностью [наших] крейсеров, вывоз стал затруднителен; в горах цена на рабов падает... и число беглых, живущих там на свободе, увеличивается. Уже в стычках доходили до нашей цепи стрелков крики на польском языке, «цельте в черных». Беглые в черкесской одежде друг другу сими словами означают по платью наших офицеров.

Захватить живыми сих англичан, всегда вооруженных и тщательно охраняемых кунаками, почти невозможно. Один сего не совершит, а

Дэвид Уркарт

между несколькими тайна не сохранится; посему зачинщики устроятся кровного мщения, которому они неизбежно подвергнутся с семействами. Для тайного убийства достаточно одного человека, но и предложить такую меру постыдно. Остается верное и законное средство.

Подданные союзной державы, которые третий год возмущают противу нас народы, которые принимают преступных поощряя к побегу наших солдат, вооружают их противу нас, вынуждают наконец к мерам решительным, мерам признанным всеми европейскими державами. Я говорю о торжественном объявлении их нарушителями общего спокойствия и об обнаружении оценки головы их.

Если великодушное правительство желает оказать им последнее снисхождение, то уведомив их о сей мере, можно позволить им свободный выезд из гор; в случае же их отказа, я ручаюсь что виновные головы мне будут представлены. Ген-м. Раевский». (ШССТАК, с. 142–144).

Предложение Раевского было одобрено императором, о чем в мае 1838 г. не замедлил сообщить военный министр, граф Чернышев: «государь император высочайше повелеть изволил обратиться к последней крайней мере, предлагаемой генерал-майором Раевским». За живых англичан назначалась награда по 500 червонцев за каждого, но смысл инструкции допускал и физическое устранение, не оговаривая конкретной цены: «головы их, как преступников, будут оценены». (ШССТАК, с. 145).

Тем не менее, многочисленные лазутчики, имевшиеся в распоряжении царского командования, не сумели справиться

с задачей пленения англичан, которые продолжали действовать весьма эффективно, если судить по многочисленным отчетам командования.

Так, в отношении военного министра сообщается об организации Беллем регулярного сообщения с Самсуном: «известный Белль успел устроить постоянное и правильное сношение с портом Самсунским и употребляет для сего шесть легких судов или лодок, которые, отправляясь при хорошем ветре из Самсуна около вечера, достигают обыкновенно Черкесских берегов в ночь следующего дня». (ШССТАК, с. 147).

П. Хенце отмечал высокую эффективность деятельности Белла и Лонгворта: «Белл, якобы купец, но с интересами, которые простирались далеко за пределы торговли, оставался активным в черкесском деле до 1840 г. Он находился в Черкесии в течение длительного времени, в 1837–1839 гг., сопровождая черкесов в рейдах за российские линии, и опубликовал в 1840 г. наиболее всеобъемлющий отчет об их сопротивлении. По крайней мере, четыре других англичанина провели длительное время в Черкесии в конце 1830-х годов. Корреспондент «Таймс» (The Times) Дж.А. Лонгворт находился год вместе с Беллом и опубликовал информативный двухтомный труд, описывающий его пребывание в Черкесии, как это сделал и Эдмунд Спенсер... Такие люди, как Спенсер, Белл и Лонгворт стали большими энтузиастами черкесского дела, но были более реалистичными, чем Уркарт в констатации как недостатков черкесов, так и их достоинств. Эти неофициальные британские представители были готовы убеждать и британскую общественность,

и правительство Ее Величества, что поддержка черкесской независимости будет в интересах как британской коммерческой деятельности, так и британских политических идеалов. Они рассматривали действия России на Кавказе как недостойные нации, которая стремилась считаться одной из цивилизованных держав Европы; они утверждали, что существует связь между локальным кавказским сопротивлением и большой политической сценой на Востоке». (Henze, p. 84–85).

«Черкесы сами по себе не были в неведении о большом стратегическом контексте, в котором они вели свою борьбу. Белл, например, сообщал: «Старый Али Ахмет, князь Суча..., сказал: Англия и другие державы Европы вмешались от имени Греции, хотя эта страна не боролась за свою свободу четверть времени, которое сражается Черкесия»». (Henze, p. 85–86).

«Советские историки, с их приверженностью к конспирологическим теориям, пытались представить черкесское сопротивление как творение Уркарта и англичан, которые последовали за ним, опиравшихся на обиженных турецких пашей, не желавших признавать историческую неизбежность цивилизаторской миссии России на Кавказе. Факт того, что черкесская решимость не уменьшилась после отбития последнего англичанина, но, напротив, возросла – лучшее доказательство, что у нас есть, в неправильности советской аргументации». (Henze, p. 86).

«Англичане, которые были активны среди черкесов в 1830-х годах, призывали к более тесной координации с движением Шамиля, и попытались развить чувство общей цели среди всех северокавказских народов, сопротивляющихся установлению господства России. Некоторые даже убедили себя, что это последнее усилие удалось, но черкесский партикуляризм был трудно преодолеть. Эти деятели и турки, которые играли ту же роль (о которой мы знаем гораздо меньше, поскольку их мемуары, если и были написаны, не опубликованы), оказались более успешными, вдохновляя в черкесах сильное чувство национального единства и сотрудничества. Большая программа принесения клятвы была осуществлена с хорошими результатами. Руководители каждого племени собирали своих людей вместе и приводили всех к клятве быть преданными делу сопротивления русским, избегать сотрудничества с российским чиновничеством или торговли с русскими купцами, и оказывать поддержку соседним племенам, подвергшимся нападению. Уклонисты и коллаборационисты были подвергнуты остракизму или изгнаны; некоторые убиты. Население было предупреждено о шпионах». (Henze, p. 81–82).

17 мая 1837 г. прапорщик Зубалов из карантина Редуткале докладывал управляющему

Белл Дж. Круговой сбор черкесского войска

Имеретией ген.-м. Эспехо о целой серии поставок товаров и пороха в Черкесию, о которых он узнал за время своего пребывания в Трапезунде. Согласно Зубалову, в Черкесии находилось два английских и два французских чиновника – «тех самых, что сбежали с судна при поимке нашим правительством в ноябре месяце 1836 г. при берегах черкесских, и все сии чиновники ведут непрерывную переписку с английским консулом, что в Трепизонте». (ШССТАК, с. 110).

Явно имеется в виду не Дж. Белл, прибывший в Черкесию один. Белл ничего не сообщает о том, что с осени 1836 г. среди черкесов находились еще двое его соотечественников, а также еще и французы. Лонгворт сообщает, что после Дауд-бея (Уркарта) приезжал еще некий англичанин Качук-бей.

Летом 1837 г. в Черкесию прибыл молодой джентльмен, получивший имя Надир-бей. Он находился у натухаевских дворян Зазиоко в долине «Увия» (у Белла – Агуй), где заболел малярией. Сюда за ним выехал Лонгворт, чтобы познакомиться с ним и узнать о цели его визита: «Надир-бей – это имя было принято новым пришельцем – не был (хотя я предполагал, что был) агентом британского правительства. Это был искатель счастья, «джентльмен удачи», который не имел даже отговорок младшего брата для того, чтобы отправиться искать приключений, будучи подвижным на это предприятие исключительно искренним духом рыцарства, который так редко встречается в наш век холодного расчета...; этот дух нигде не найдет более почетного поля действия, чем в Черкесии... Зная также о дефиците боеприпасов там, куда он направлялся, он закупил все, что смог найти в соседних городах, включая сюда

шестнадцать больших ящиков с порохом и свинцом». (Лонгворт, с. 397).

Личность Надир-бея привлекла внимание русских властей. В марте 1838 г. Герси, консул в Трапезунде, сообщал о нем: «этот путешественник был некто Кнайт (Knight), выехавший в прошлом году из Константинополя в Черкесию через Синоп и, пробыв несколько месяцев у этих горцев, он сел 23 февраля / 7 марта в окрестностях Суджука на маленькое турецкое судно, отправлявшееся в Синоп». (ШССТАК, с. 140).

Герси говорит о 20 боченках пороха, купленных Кнайтом первоначально в Синопе, что подтверждает рассказ о Надир-бее в книге Лонгворта. Затем, как отмечает консул, Кнайт еще покупал боеприпасы для черкесов, за которыми приезжал к берегу вместе с Беллем и Лонгвортом:

«Во время своего пребывания у мятежных черкесов Кнайт, также как Белль и Лонгворт, постоянно совершали поездки в глубь края, но чаще всего они оставались на высотах, близ лежащих к укреплению Геленджик и спускались к морю лишь по прибытии турецких лодок для покупки боеприпасов, которые они впоследствии представят в распоряжение мятежников. По только что собранным сведениям вполне возможно, что Белль и Лонгворт, оставшиеся в Черкесии, с некоторых пор находятся в очень затруднительном положении, так как помощь, столь часто обещаемая ими мятежникам, не была осуществлена; их влияние зиждется в настоящее время лишь на подарках, которые они не прекращают делать горским главарям, добывая для них любой ценой боеприпасы, доставляемые в этот край судами из Синопа; в настоящее время отъезд Кнайта из Черкесии, кажется, должен

увеличить затруднения, в которых они находятся, так как этот молодой человек, располагающий достаточными средствами, поставлял, в основном, необходимые суммы для покупок подарков. В последний момент, перед отъездом из Черкесии, хотя и под предлогом ускорения отправки помощи, он был вынужден сделать новые подарки и, не имея наличных денег, добыл таковые у лодочников из Синопа, выдав им взамен чеки на сумму 19.742 турецких пиастров, которые подлежат оплате в Константинополе. Этот последний факт, достоверность которого я могу гарантировать вашему превосходительству, ясно доказывает, что денежные ресурсы Белла и Лонгворта приходят к концу и, следовательно, если бы мюсселин Синопа, Екусоглу Гуссейн-бей, вместо того, чтобы покровительствовать и пользоваться самому этой незаконной торговлей, придерживался бы приказаний своего правительства, строго запрещая всякое сношение между своей резиденцией и мятежниками, Белл и Лонгворт должны были бы немедленно постараться покинуть без промедления этот край с целью избежать, если это еще возможно, справедливого мщения жителей Черкесии, невежество которых помогало этим авантюристам пользоваться некоторое время их доверчивостью, но впоследствии, и особенно по окончании действия подарков, черкесы должны неизбежно убедиться во всем коварстве их советов». (ШССТАК, с. 140).

О месте смерти Сефербея.

О деятельности Зана в период Крымской (Восточной) войны и до его смерти в декабре 1859 г. «Лики...» рассказывали в номере 39 за 10 февраля 2011 г. Посмотреть его можно, как и все другие номера, на сайте «Ады-

гэ макъ» в рубрике «Историческое приложение». К этому периоду в жизни С. Зана мы обязательно еще раз обратимся в последующих выпусках «Ликов...». К сожалению, в выпуске 39-м я допустил ошибку, написав, что Зан скончался поблизости от Анапы, в натухаевском ауле.

На самом деле, Сефербей, в декабре 1859 г., направившись к шапсугам в верхнее течение Абина, неожиданно скончался и был похоронен в долине Вордобгач, «в двух верстах ниже бывшего Николаевского укрепления, где ныне находится Шапсугская станция». (Фелицын, с. 160).

Русское название Вордобгача, как отмечает Фелицын, «гвардейская поляна». Г.И. Филиппсон, участник похода Вельяминова 1837 г., писал: «Но в первый год тут были жаркие дела: одна местность на наших картах названа Гвардейскою Полянкой, потому что тут в 1835 г. было убито и ранено несколько гвардейских офицеров». (Филиппсон, с. 129).

«Здесь же, в ущелье Чемокосоколайк 21 сентября 1835 года тяжело ранен был корнет Гатчинского кирасирского полка князь А.И. Барятинский». (Филиппсон, с. 160). Не по этой ли причине у фельдмаршала было особенно негативное отношение к натухаевцам? В первой половине 1857 г. Барятинский писал: «Только в 1860 году может быть приступлено к окончательному изгнанию натухайцев и к заселению их края в обширных размерах. Это последнее предприятие должно занимать одно из важнейших мест в общем плане будущих действий на Кавказе». (РГВИА. Ф. 846. Д. 6669: Предположение о действиях и занятиях войск Отдельного Кавказского корпуса с осени 1857 по осень 1858 г. Л. 15).

Самир ХОТКО.